

АЛЕКСАНДР СОКОЛОВ

КАПИТАН МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ

С 21-й армией по дорогам войны

Идёт первая мировая война, на горизонте уже обозначились новые великие потрясения — революция, гражданская смута... Тем не менее люди и тогда не переставали любить, создавать семьи и растить детей. И вот 4 апреля 1916 года в Москве, в одной из арбатских церквей, которых тогда было много в старых московских переулках, венчались мои бабушка и дедушка — Людмила Александровна Миловидова и Михаил Иванович Соколов. Они обменялись золотыми кольцами, на которых была отчеканена дата их венчания.

А летом 1918 года появился первенец — девочка Наташа, будущая моя тётя. Мой дед, геолог по профессии, большую часть времени проводил в экспедициях и писал любимой жене Мике, как звали её в семье, беспокойные письма. В них и любовь и реалии гражданской войны: *“...во всяком случае, если чехо-словаки будут продвигаться так быстро, то нечего и думать оставаться в Москве... Страшно досадно и обидно всё время жить врозь. Страшно хочу тебя видеть. Не могу дождаться той минуты, когда увижу тебя. Хочется целовать тебя крепко, крепко, твои милые серые глаза. Крепко, крепко тебя целую...”* (17 июня 1918 г.).

Девочка родилась в Костроме, а воспитывали её в деревне Иконниково под Костромой, куда к её бабушке с дедушкой, людям зажиточным и образованным, приезжали друзья — музыканты из Московской и Петербургской консерваторий, играли Баха, Гайдна, Рахманинова, Чайковского. Заслышав чарующие звуки музыки, Наташа, едва научившись ходить, забиралась в вольтеровское кресло и внимала, затаив дыхание. Гости удивлялись её воспитанности, а домашние предлагали сменить музыку и посмотреть, что будет дальше. Начиналась весёлая полька, и маленькая шалунья вскакивала с кресла, радостно прыгая по гостиной.

В Иконникове школы нет, а семилетней Наташе пришло время учиться, и в начале 1925 года моя бабушка поехала в Москву, где остановилась у своей тёти Валентины, женщины обаятельной, человека беспредельной доброты. Там 11 апреля 1925 года родился второй ребёнок — мальчик, которого нарекли Георгием, это будущий мой отец. Но жить постоянно в другой семье и неудобно, и невозможно, поэтому супруг, пока жена нянчится с малышом, ищет квартиру недалеко от Москвы, ибо в столице дорого, и забирает с собой дочь.

И с этих пор бесквартирье, постоянные скитания по Подмосковию и по всей России надолго стали неумолимой судьбой этой семьи.

Первое пристанище матери с дочерью и грудным сыном было в Болшеве. В августе 1925 года там сняли две небольшие комнатки у уцелевшего купца Зайцева в просторном доме с хозяйскими пристройками, в так называемом

“комитетском лесу”. Хозяева были глубоко верующими людьми, и комнаты их были увешаны иконами.

Электричества в подмосковном городке не было, поэтому комнаты освещала керосиновая лампа с абажуром, красиво расписанным отцом. Осенью конопатили окна, а в холода комнаты топили углём и дровами.

Школа была далеко, размещалась она в бывшем ветхом жилом доме, где по комнатам расставили ученические столы и стулья.

Утром юная ученица выпивала чашку холодного толокна или какао, приготовленного мамой с вечера. А в школе ела хлеб с маслом, взятый из дома, и круто сваренную чечевицу. Первоклассница ходила до школы километра три пешком, будь то дождь, жара или метель. В классе 45 учеников, они распределены на звенья, по 5 человек в каждом: звеньевой, санитарка, ведающий успеваемостью, ответственный за дисциплину и ещё один за посещение.

Родители учили девочку правильно говорить и грамотно писать, обращая на это особое внимание. Отец предложил дочери вести дневник, и каждый день, вечером, проверял написанное, отмечая ошибки. Так постепенно благодаря усилиям родителей из косноязычного ребёнка она превратилась в хорошо говорящую девушку. Хотя училась дочь средне, но отличалась в сочинениях, многие из которых зачитывались вслух перед классом.

В третий класс Наташа ходила в школу уже в старинном городе Дмитрове. Её впечатлил величественный Дмитриевский собор и пение церковного хора. К тому же она с мамой и братиком живёт в доме дьячка Фёдора Павловича Горского. Сам дьячок, его жена и дочь поют в церкви, а дочь – солистка хора. Наташа не забыла свою учительницу – Марию Ивановну, умную сердечную женщину.

Отец эти два года бывал с семьёй редко. Сам жил в Москве, где-то в каморке рядом с университетским геологическим музеем, где он много работал. И Людмила Александровна в письмах рассказывала об учёбе, развитии и вечном любопытстве детей.

В ноябре 1931 году в семье Соколовых появился последний ребёнок, девочка, которую назвали Мариной. Теперь детей стало трое: две сестры и брат.

За несколько лет скитаний Наташа сменила несколько городов и шесть школ. Последней оказалась московская школа № 330 недалеко от Курского вокзала.

Музыкальные впечатления не пропали даром, и Наташа стала заниматься музыкой дома с мамой ещё в Дмитрове. К поступлению в музыкальную школу, уже в Москве, её подготовила выпускница Московской консерватории Антонина Таганцева. Наташа закончила музыкальную школу при музыкальном училище имени Гнесиных и блистательно играла на фортепьяно, но профессию на жизнь решила выбрать другую. Летом 1937 года она поступила в 3-й Московский медицинский институт.

В институте дочь занималась много, и отец неоднократно писал своей дочери письма с предложением сменить профессию и выбрать такую, где надо больше двигаться, а не корпеть сутками над книгами. Но увещевания не помогли, и медицина стала её призванием.

Моя тётя получила диплом в самые страшные для Москвы дни – в октябре 1941 года, когда немцы подошли так близко, что не все были уверены, стоит ли столица. Получали без торжественного ритуала, просто в аудитории подходили к столу и расписывались против своей фамилии. Диплом у неё был свободный.

Эвакуация из столицы началась с первых же недель войны. На 14 июля 1941 года из Москвы эвакуировано 900 тыс. человек. А уже в сводке от 22 июля 1941 года указывалась цифра – 1 082 122 детей и взрослых. Покидали родной город в товарных составах, вагонах для скота, что было лучше, ведь там были настилы из досок. А то и на телегах, запряжённых лошадьми, или просто пешком брели на восток, захватив в котомки самое необходимое. И вот этот великий исход сотен тысяч людей сплетался, смешался, сталкивался с другим потоком, идущим из Сибири на фронт, на запад. Матери теряли своих детей, братья – сестёр, и находили друг друга много лет спустя, если везло, конечно, или же теряли навсегда.

И в этом громадном людском потоке моя бабушка Людмила Александров-

на с младшей дочерью Мариной благополучно добрались до Марийской республики, остановились в маленьком посёлке Мари-Турек.

Отец же работал в местечке Шахунья, что в двухстах километрах от Мари-Турек, на строительстве железной дороги Киров–Котельник, которая в дни войны считалась стратегической.

По приезде в Мари-Турек к матери Наташа надолго слегла в постель с сильной ангиной. Поправившись, она ищет работу и устраивается с 1 апреля 1942 года заведующей небольшой больницей в посёлке Карлыган.

“Расскажу о своей работе. Основное – амбулаторный приём – приходят самые различные больные, много травм. В моём участке живут люди 4-х национальностей: удмурты, марийцы, татары и русские, последних мало. Большинство марийцев, татар, удмуртов почти совсем не говорят по-русски, и поэтому работать ещё труднее. К болезням относятся с преувеличенным страхом, а к смерти с поразительным равнодушием...

Один раз меня вызвали в деревню за 7 км к больному ребёнку. Не успела я войти, как изба наполнилась множеством детей, которых женщины притащили завёрнутыми в лоскутные одеяла со всей деревни, пришёл старичок, который настойчиво требовал, чтоб ему тут же вытащили зуб...

Врачей здесь в больнице больше нет. Приходится решать самостоятельно сложные для меня вопросы”, – пишет моя тётя своему отцу.

В декабре 1942 года Наташу призвали в армию. Сначала сутки везли в Казань, где она успела побывать в Казанском драмтеатре, а затем – Москва.

Новобранцев поселили в обычной школе на Лесной улице, которая пустовала. Из классов вынесли в коридор парты, а на пол постелили матрацы, на них и спали полудетыми. Днём работали с ранеными в госпиталях и поликлиниках, каждый по своей специальности. Наташа – в глазном кабинете поликлиники на улице Горького...

Так тётя работала в Москве и не знала, что военная судьба вскоре свяжет её с 21-й армией, с которой она пройдёт по фронтовым дорогам до конца войны, до Великой Победы.

21-я армия была сформирована незадолго до Великой Отечественной войны, в июне 1941 года в Приволжском военном округе. Командовал ею тогда генерал-лейтенант Герасименко.

В первых числах июня 1941 года войска выехали на запад на учения, где их и застала война. Начались тяжёлые бои с противником. Некоторое время войска 21-й армии сковывали восемь немецких пехотных дивизий и нанесли им серьёзный урон, и при наступлении на бобруйском направлении стали угрожать коммуникациям немецких частей, находившихся восточнее Днепра.

Но к 1 сентября передовые части немцев прорвались к Десне, и 21-я армия оказалась под угрозой окружения в районе восточнее Киева. Потом сошлась угроза окружения и другим армиям.

Глубокой ночью 17 сентября командующий Юго-Западным фронтом Кирпонос отдал всем армиям фронта приказ с боем выходить из окружения.

Войска 5-й и 21-й армий, которые располагались рядом, перемешались и, потеряв управление, пробивались из окружения отдельными отрядами и группами численностью от нескольких десятков до нескольких тысяч человек. В ходе боёв многие погибли, другие попали в плен.

Войска отступали. Многие раненые лежали на траве, среди высоких сосен, и там умирали. Солдаты усталые, мрачные, у многих вывалились зубы. Ко всем этим бедам прибавилась ещё одна – поварные желудочные болезни, дизентерия. Бойцы ели траву, жевали кору, листья. Пили болотную воду. А лекарств никаких не было.

Почти ежедневно над окружёнными армиями сбрасывались немецкие листовки, иногда адресованные персонально этому отступающему отряду, иногда обращённые вообще к тем, кто находился в окружении. Однажды с неба спустилось такое послание: на листовке улыбалась смазливая женщина с тонкими чёрными бровями и умопомрачительных размеров бюстом. Под фотографией стихи:

*Будешь дома, будешь в хате
И с женою на кровати.*

На обороте – “Passierschein” – пропуск для добровольной сдачи в плен или явки в любую комендатуру.

Отказавшись сдаться бомбили, причём и ночью, когда, маскируясь, двигались отступавшие войска. Развесив вдоль дороги ослепительные осветительные бомбы, фашистские истребители пулемётами расстреливали машины с бойцами и ранеными. Солдаты разбегались в хлеба, тянущиеся по обе стороны шоссе. Потом долго собирались. Стояли около раненых и убитых, рассматривали повреждённые машины. И поредевшей колонной – снова в путь.

Армия таяла. Вконец потрёпанные дивизии, в которых сохранились большей частью штабы полков и тыловые подразделения, вышли в резерв фронта. Иных резервов в армии не было.

Остатки войск, вырвавшихся из окружения, ранней весной 1942 года стали доукомплектовывать свежими дивизиями, пополнять боевой техникой.

Возрождённая 21-я армия заняла оборону по Северскому Донцу, в районах Нового и Старого Оскола. 12 июля 1942 года был образован новый, Сталинградский и Донской фронт, в состав которого вошла и 21-я армия. На широком фронте на дальних подступах к междуречью Дона и Волги началась историческая битва за Сталинград.

Утром 19 ноября залп многих тысяч орудий и миномётов возвестил начало наступления войск Юго-Западного и Донского фронтов. 21-й армией командовал генерал-майор Чистяков.

Враг дрогнул и, покидая насиженные окопы и блиндажи, начал отступать. С 23 ноября 21-я армия вела напряжённые и кровопролитные бои, стремясь сорвать попытки немецко-фашистского командования деблокировать окружённую группировку. За три месяца наступления зимой 1942–1943 годов войска с боями прошли на южном участке советско-германского фронта более 700 км. Это не могло не сказаться на их боеспособности.

В начале февраля 1943 года по приказу Верховного Главнокомандования войска 21-й армии вышли в резерв Ставки и прибыли в район севернее Курска, где, сильно поредевшая после ожесточённых сражений, армия срочно пополнялась и перестраивалась.

Вот в такую армию и попала 22-летняя Наташа, которая выглядела совсем ещё девочкой с её ростом в 156 см и весом в 42 кг.

Её назначили в ОРМУ 71 (отдельная рота медицинского усиления), в окулистическую группу, состоящую из пяти человек: начальник – майор медицинской службы Мартыненко, опытный глазной хирург с Украины; врач-ординатор – Наташа; две медсестры – старшая и младшая – и санитарка.

Интеллигентная девушка попала в совсем иную, не знакомую ей военную среду хорошо повоевавших мужчин.

Долгое время Наташа настолько терялась, что боялась подойти к начальнику и спросить что-то, а когда пыталась заговорить, у неё просто отнимался язык. Её новая подруга Изумруд Мусаева, аварка по национальности, опытный врач-физиолог, старше её на шесть лет, быстро поняла, кто перед ней, и стала защищать её и помогать юному врачу осваиваться в незнакомой обстановке. За хрупкую внешность и робость Изумруд прозвала её “воробушек”. А та называла старшую подругу “изумрудик”. Они подружились на всю жизнь.

День знакомства с начальством для врача-ординатора выдался неудачным. За первым совместным завтраком дали нелюбимую овсяную кашу, да ещё с обильной шелухой. Наташа ела медленно и неохотно, при этом выковыривая чешуйки из каши и складывая на край тарелки. Посмотрев на девочку-врача, майор иронично заметил: “Если вы так же работаете, как и едите, то это плохо”. Наташа смутилась и ничего не ответила.

Но начались фронтовые будни. 21-я армия, выдвигаясь на Курском направлении, вела кратковременные бои местного значения.

Окулистическая группа майора Мартыненко принимала раненых. И здесь юная Наташа заставила себя уважать, проводя многочисленные и сложные операции. Причём ей приходилось перестраиваться на ходу: обстоятельства вынуждали делать операции не только на глазах, но и практически на всём теле. Она быстро училась у опытного начальника-хирурга.

В начале июня ОРМУ 71 передислоцировалась под Курск, где готовилась одна из самых величайших битв Великой Отечественной войны, да и всей Второй мировой – знаменитая битва на Курской дуге.

По размерам Курская дуга равна половине территории Англии и являлась одним из самых важных стратегических участков советско-германского фронта. 21-я армия готовила рубеж обороны.

На тыльном рубеже все работы вело местное население. Женщины, подростки и даже дети копали окопы, траншеи, ходы сообщения. Траншеи рыли глубокие – один метр семьдесят сантиметров.

Армия занимала шестьдесят четыре километра по фронту. Днём на передовых позициях стояла тишина. Яркое солнце освещало безжизненные поля, безлюдные дороги, притихшие сёла и деревни. Но едва наступала ночь, всё вокруг оживало, приходило в движение. К фронту по железным дорогам неслись поезда. И на первых позициях солдаты копали в целях маскировки только в ночное время... Всего на Курской дуге было открыто 10 тысяч километров траншей.

5 июля 1943 года в 3 часа 30 минут началась Курская битва. Шестьсот орудий при активной поддержке авиации ударили смертоносным огнём по немецким войскам. Контрподготовка привела к тому, что противник перешёл в наступление почти на три часа позже, в шесть утра. В воздухе появилось одновременно четыреста вражеских самолётов, которые принялись бомбить наши боевые порядки. Навстречу им вылетела наша авиация. В то же время вражеская артиллерия обрушилась на траншеи, а из глубины их позиций двинулись сотни немецких танков.

...А в это время во фронтовом госпитале в течение двое суток, не имея ни секунды отдыха, под грохот канонады и вой самолётов, стояла за операционным столом хрупкая Наташа Соколова и оперировала-оперировала... За эти сорок восемь часов она сделала несколько десятков операций...

Вслед за армией окулистическая группа продвигалась по местам прошедших ожесточённых боёв, по грудам разбитой техники. Всюду на земле множество трупов – и немецких, и наших. В июльский зной они быстро разлагались. Ветра не было, стоял устойчивый смрад. Все буквально задыхались, идти было невыносимо.

После позиционных боёв 15 июля началось наше контрнаступление, и 21-я армия в составе фронта погнала фашистские орды с курской земли...

Наташа обретала всё больше друзей. Среди них была Любовь Махрауб, начальник рентгенологической группы. Родным домом на фронте стала для неё её рентгенологическая машина, где стояла установка. В машине – лавочка для спанья, столик для еды. При передислокации армии на большие расстояния персонал погружали в товарные вагоны, но Люба часто брала Наташу к себе в машину, и они вместе коротали зыбкие фронтовые ночи и дни. Единственной отрадой в жизни Любы были её два брата – фронтовые хирурги. Как талисман носила она у сердца, в нагрудном кармане, их фотографии. В минуты грусти вынимала и долго рассматривала дорогие лица...

В конце июля 1943 года часть войск 21-й армии передели Западнему фронту, где силами Калининского и Западного фронтов готовилась Смоленская наступательная операция (кодовое название “Суворов”). 1 августа 21-я армия была включена в состав Западного фронта. Сам Сталин выезжал на фронт, где утром 5 августа в селе Хорошево, что под Ржевом, встретился с командующим Калининским фронтом генералом Ерёмко. В целях скрытности командующие и штабы армий письменных оперативных директив и боевых приказов не отдавали. Основным документом являлась карта с разработанным на ней решением на операцию. Задачи до войск доводились в устной форме.

Операция началась 7 августа. Цель операции – освободить Смоленск и Смоленскую область от противника и парализовать группу армий “Центр” с тем, чтобы их войска не перебросили на Курскую дугу. Военные действия велись на лесистой заболоченной территории, изрезанной оврагами и речными долинами. Бои были тяжёлые и кровопролитные...

Станция Павлиново. Здесь были сосредоточены ХППГ (хирургические подвижные полевые госпитали) 10-й, 33-й, 21-й армий, развёрнуты палатки. Ночью персонал находился в землянках, оставленных немцами. Все в ожидании наступления, а следовательно, поступления раненых.

Вскоре началась артподготовка.

Впервые Наташа видела, как заработали “катюши”. Небо стало светлым – веер мощного огня простирался с севера на юг, на небе не было ни одного тёмного участка, и неимоверный грохот, закладывающий уши.

Вскоре грузовые “студебеккеры” стали подвозить раненых. Она забирается на колесо, заглядывает в кузов: на полу лежат легкораненые, многие плачут, успокаивает их. Раненых выгружают, кладут на носилки, уносят в хирургические палатки, оперируют.

А 21-я армия продолжала развивать наступление.

Здесь же, на Западном фронте, начала свой славный боевой путь знаменитая французская эскадрилья “Нормандия – Неман”.

В марте 1942 года генерал де Голль и Сталин договорились о том, что в СССР придут добровольцы, французские лётчики, воевать против общего врага – немецкого фашизма. В конце ноября приехали 14 лётчиков и 58 авиамехаников. Их обучили летать на самолётах-истребителях Як-1, Як-3 и Як-9, и 5 апреля 1943 года эскадрилья начала боевые действия.

Один из боёв видела Наташа. Её часть стояла в деревне Ивановка Смоленской области. Однажды над ними в небе завязался бой двух самолётов, один из них упал на землю, развалившись на куски. Случилось это 15 октября 1943 года. Местные жители и Наташа, как врач, бросились к месту падения. Там лежал уже мёртвый лётчик. По разорванной куртке и значку на ней они определили: “Normandie”, то есть “Нормандия – Неман”. Убитого похоронили за деревней, а на следующий день приехали на машине два представителя эскадрильи и поставили небольшой деревянный крест с надписью: “1912 г. рожд. Лео Барбье”. А через десяток лет Наташа прочитала в газетах о том, что прах Лео Барбье и других погибших французских героев перевезли во Францию и перезахоронили на родине.

За годы войны пилоты “Нормандии – Неман” сбили 273 самолёта, 83 авиатора были удостоены высоких наград, четверо стали Героями Советского Союза и были награждены орденом Почётного легиона Франции...

После Смоленского наступления, которое завершилось 2 октября, в каждой дивизии осталась половина, а то и треть солдат. Танков, артиллерии и того меньше.

Наташа и другим врачам приходилось крайне тяжело. Раненых полно, они устали всё вокруг госпитальных палаток. В операционной хирурги работали один на два стола, в перевязочной – на четыре. Берут на перевязку сначала тяжелораненых – это неписанный закон. Сёстры и врачи сортировочной следили, чтобы в перевязочную попали в первую очередь те, кто прибыл со жгутом. Если его не снять вовремя, начнётся омертвление тканей. Обработанных раненых стремились быстро эвакуировать на любом транспорте. Ходячие, получив карточку раненого, сами уезжали на попутках. Те, кто потерял руки, ноги, тяжелораненые отправлялись санитарными машинами...

Наташа с госпиталем двигались вслед за армией по освобождённой территории. Спрашивают у жителей, где такая-то деревня, отвечают: “В пяти километрах”. Подъезжают, деревни нет, лишь обгоревшие остовы печей. Ищут другую деревню, её тоже нет, даже печей нет. Одни груды кирпичей вперемешку с трупами людей и животных. И такая картина почти по всей Смоленщине...

Наступали холода.

Но врачи, как и солдаты, спали в окопах, землянках, а то и просто на земле, подстелив под себя шинель. Изобретательная Изумруд умела скрасить фронтовое житьё: выстегала два ватных одеяла из марли для себя и подруги, которые спасали их в лесу, если не было тёплой землянки; ставила малюсенькую печурку, если ютились в палатке. Она отлично вязала в свободные минуты, доставая шерсть в деревне. Во время боёв медики жили в лесу, ночевали и работали в палатках, для операций – электросеть от движка...

7 ноября 1943 года. Передислокация госпиталя. Наташа с другими медиками сидят на смоленском вокзале, ждут поезда – товарняка, переоборудованного для перевозки людей. Вдруг гул самолётов. Началась бомбёжка. Летят осколки, укрыться нигде, местность ровная, страшно. Бегущая рядом медсестра-комсомолка вслух просит Бога о помощи. Несколько ранило, их увезли в госпиталь. Заработали наши зенитки. Отогнали самолёты. Вскоре после бомбёжки подошёл долгожданный состав. Медики заняли места, и поезд тронулся. Вскоре все заснули – усталость была неимоверная.

Всю зиму с 1943-го на 1944-й врачи были на переподготовке.

Наташе хотелось повидать родных в Москве. Но это невозможно без разрешения высокого начальства, к тому же нужен веский повод. И он неожидан-

но появился. Полковник медицинской службы Подзолов отправил Наташу в командировку с заданием: получить по рецепту очки для генерал-лейтенанта Чанышева. И, полная счастьем, она поехала в столицу, которую не видела так давно. Тётя Валя и все домочадцы недавно вернулись из Свердловска, куда эвакуировали Военно-воздушную академию имени Жуковского. Её муж был начальником инженерного факультета, специалист по аэродинамике. Они встретили Наташу радостно, обласкали, живую и здоровую, помогли найти нужные очки. А потом двоюродная сестра водила фронтовичку по достопримечательностям Москвы, даже посетили Третьяковскую галерею и концерт Александра Вертинского, который выступал в зале Военно-воздушной академии. Побывала в родной 330-й школе, где по вестибюлю бегали одни мальчики: ввели раздельное обучение.

Внимание и доброта родных, впечатления мирной жизни дали ей сильный заряд на новую встречу с войной.

В конце апреля 1944-го 21-я армия передана Ленинградскому фронту под командование генерал-полковника Гусева и сосредоточилась юго-западнее Ленинграда, а затем передислоцирована на Карельский перешеек.

Готовилась Выборгская наступательная операция.

Основные силы 21-й армии перебрасывались через Финский залив Балтийским флотом.

Это была одна из немногих крупных оперативных перевозок войск морским путём. Перебросить 12 дивизий и 3 тысячи орудий, когда начались белые ночи, – задача не из лёгких. К тому же многоопытный финский маршал Маннергейм пристально следил за тем, что происходит у противника. И тогда в масштабе фронта начались крупные манёвры, показывающие, будто бы на суше идёт подготовка главного удара на Нарву. Сосредоточили переправочные средства, повысили авиационную и артиллерийскую активность. А тем временем балтийские корабли незаметно перевозили войска. Финского командующего удалось так ввести в заблуждение, что он 10% своих военнослужащих отпустил на сельскохозяйственные работы. Переброшенные армии, и среди них 21-я, стали вкапываться в землю. Но... едва солдаты вырывали окопы, они наполнялись водой: места были заболоченные. Пришлось менять тактику на ходу.

К июню подготовка была завершена. “Наша армия начала работать на финском фронте”, – как говорила Наташа.

И ранним утром 10 июня 1944 года, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки, продолжавшейся 2 часа 20 минут, 21-я армия при поддержке 23-й и 13-й воздушной армий перешла в наступление. В течение 11 суток войска генерала Гусева продвинулись на глубину до 110 км и преодолели три полосы финской обороны. Знаменитые доты, которые так и не взяли во время пятимесячной финской войны 1939–1940 годов, были разбиты за какие-то десять дней. И очень просто. На мощный дот с двухметровыми железобетонными стенами и стальными колпаками почти полуметровой толщины наезжали тяжёлые танки ИС-2 с волокушами, нагружёнными взрывчаткой. Танк вплотную подходил к амбразурам, закрывал их собой, сапёры укладывали взрывчатку на крыши дотов, танк отходил в сторону, и ушёл взрыв сотен килограммов тротила. Был дот – и нет его. Вместе с гарнизоном.

По прошествии десяти дней в 19 часов 20 июня наши войска, наконец, штурмом овладели старинным русским городом Выборгом. Финляндия запросила мира. На Карельском перешейке установилась тишина.

Наташа со своей группой, пользуясь ситуацией, решили посмотреть окрестности Выборга. Им удалось погулять по знаменитому парку Монрепо, к счастью не разрушенному. Его называли “оазисом тишины”, “идеалом северного сада”. Редкий по красоте скальный пейзажный парк более двухсот лет принадлежал баронам Николаи, в роду у которых были дипломаты, военные, священники. Тут бьёт известный с древности источник, есть уникальный остров-некрополь. Наташа увидела здесь неразрушенный склеп княгини Чавчавадзе. Как она оказалась под Выборгом и не имеет ли она отношение к Грибоедову? На этот вопрос тогда и в последующие годы она так и не нашла ответа...

19 сентября 1944 года Финляндия подписала с СССР перемирие и вышла из войны.

А 29 сентября оба начальника ОРМУ 71 ходатайствуют о награждении своих подчинённых и, в частности, Натальи Соколовой орденом Красной Звезды.

Осенью 1944 года по решению Ставки 21-ю армию передали 3-му Белорусскому фронту под командованием генерала армии Черняховского.

За два месяца кровопролитных наступательных боёв его войска продвинулись с боями на запад на 500 км, были сильно измотаны. Фронту требовалось пополнение. 21-й армии предстояло сделать тысячекилометровый бросок. На это отводилось всего 20 суток. Переброску войск совершили комбинированным способом: стрелковые соединения – походным маршем, а танки и артиллерию – на транспортной тяге, наиболее тяжёлую технику – по железной дороге.

Наташа передислоцировалась в рентгенологической машине Ани Катаргиной. Строго запрещалось пользоваться осветительными приборами, включать ночью фары автомобилей, разводить костры. Ротные кухни было приказано топить только сухими дровами, дающими мало дыма.

Приближались к фронту, всё чаще встречались машины и повозки с ранеными. Наташа понимала: здесь идут тяжелейшие бои.

16 октября войска 3-го Белорусского фронта начали Гумбинненскую наступательную операцию, целью которой был выход на Государственную границу СССР, вторжение в пределы Восточной Пруссии и северо-восточной Польши.

Первые боевые действия были очень тяжёлыми и кровопролитными. Позиционные бои шли до середины февраля 1945 года. А 18 февраля 1945 года смертельно ранило Черняховского. Принять участие в разгроме фашистской группировки в Восточной Пруссии 21-й армии так и не удалось. Она получила приказ – отбыть в распоряжение командующего 1-м Украинским фронтом маршала Конева.

Силами двух фронтов – 1-го Белорусского под командованием маршала Жукова и 1-го Украинского под командованием маршала Конева – готовилась крупнейшая стратегическая Висло-Одерская наступательная операция. Оба фронта насчитывали более 2 млн человек, 33 тыс. орудий и миномётов, 7 тыс. танков, 5 тыс. боевых самолётов. Замыслом Ставки предусматривалось взломать оборону врага на глубину 200–350 км, рассечь его силы и уничтожить по частям с целью освобождения Польши.

12 января 1945 года 1-й Украинский фронт перешёл в наступление.

Госпитали работали круглосуточно. Хотя сутки были разделены на смены по 12 часов, фактически все работали непрерывно, выкраивая лишь три-четыре часа в сутки на сон. Иначе не выдержишь. В палатках было холодно, зима. У многих врачей и медсестёр руки покрылись струпьями, опухли от холода и снега. Но операции делали. Наташа после нескольких почти бессонных суток еле переставляла одеревеневшие ноги, ломило спину, между лопатками будто кол вбили. Но на войне никто не говорил об усталости...

К началу февраля войска 1-го Украинского фронта стали закрепляться на захваченном плацдарме.

В Польше госпиталь, где работала Наташа, находился в городе Заверце.

Появились более спокойные дни, Наташа осмотрелась в незнакомой стране. Один солдат рассказал случай. Обнаружил он в погребе прятавшихся в страхе польскую женщину с ребёнком. На вопрос “Кого боитесь?” женщина, плача, ответила: “Немцы говорили, что вы будете нас убивать”. Солдат усмехнулся и, успокоив мать, пошёл своей дорогой.

Слухи бегут быстрее войск, и когда советские танки появились за Вислой, целые деревни выбегали навстречу, хотя рядом ещё шёл бой и рвались снаряды. Поляки стали помогать нашим войскам. С лошадьми и подводами выходили на строительство переправ, и часто к обозу, возившему брёвна, по дороге присоединялись подводы добровольцев, и обоз вырастал в два-три раза.

15 марта войска 1-го Украинского фронта приступили к проведению Верхне-Силезской наступательной операции. 21-я армия нанесла удары группировке врага, окружила и уничтожила её и вышла на границу Чехословакии.

Затем Пражская операция 1945 года 21-я армия перешла 7 мая в наступление в направлении Штригау, прорвала последнюю оборону противника и 10 мая приступила к приёму капитулировавших вражеских войск.

Конец войны застал Наташу в Германии в селении Цвейбах, последний пункт пребывания её госпиталя. Отсюда самую близкую подругу Изумруд демобилизовали из армии; также вернулись к мирной жизни и другие сослуживцы и разъехались по всей стране, а Наташу направили на продолжение служ-

бы в Австрию. В конце июня 1945 года ей удалось побывать в поверженном Берлине, о чём она писала отцу:

“Кони триумфальной арки значительно повреждены от бомбёжки. На Шарлоттенбургер шоссе у огромного сада, который занимает 15 км², сохранился памятник... Мы даже забрались на вышку, откуда открывается вид Берлина. В саду памятники Мольтке, Бисмарку и др.

Многочисленное население Берлина сейчас принялось за уборку от завалов, грязи, восстановление дорог, трамвайной линии и т. д. Сейчас уже на многих улицах Берлина ходят трамваи и автобусы, а вечером жилые кварталы города освещены ярким электрическим светом. Посмотрели воздушную дорогу, метро, которое сейчас не работает. Пили берлинское пиво, которое нам не понравилось.

Сейчас “путешествую” по Германии. У себя буду примерно через неделю. Пиши по старому адресу. Папочка, если сможешь, то пришли мне путеводитель по Берлину и Дрездену. Там я тоже, вероятно, буду”.

Военные действия закончились, и многим врачам солдаты, покидая госпиталь, подарили трофейные велосипеды. У Наташи оказался отличный “Ахиллес”. Лёгкий ход, хорошая управляемость. Она научилась бойко развезать по Германии, после захватила его и в Австрию, а оттуда на Украину и в Прибалтику. На нём долго потом катались и её дети...

Вскоре её направили в Вену.

Вена! Город архитектурных шедевров, уникальных памятников, музыки, талантливых поэтов. Университет – внутренний дворик с колоннами, где памятники врачам, на одном надпись: “Только хороший человек может стать хорошим врачом”. В городе две оперы – городская и народная. В городскую попала американская бомба, причём точно в центр зрительного зала. Весь партер разрушен, зияла огромная воронка. А вокруг всё цело. Ложи с первого до последнего яруса целы. Наташа с друзьями нашли сторожа, и за 4 марки тот провёл их по уцелевшему зданию. Сохранилась ложа Франца-Иосифа и Марии-Терезии, стены расписаны маслом из сюжетов “Севильского цирюльника”; фойе, гримёрные и другие служебные помещения в первозданном виде, словно бомбёжки и не было.

Австрийцы внимательно, даже сердечно относились к русским. На вопрос, как пройти куда-то, не только охотно отвечали, но и готовы были сами проводить. Выказывали радость, если вы спрашивали о каком-либо памятнике...

Спустя некоторое время Наташа с другими медиками сменила место службы.

24 июня 1945 года Наталье Соколовой было присвоено звание капитана медицинской службы.

Наташа прослужила в армии до февраля 1946 года, когда, наконец, пришла и её очередь демобилизации, и 20 февраля 1946 года она была уволена в запас...

21-я ударная армия прошла по фронтам Великой Отечественной 13 тысяч километров, освободила 17 тысяч населённых пунктов, и большую часть этих нелёгких военных дорог прошла с ней Наталья Михайловна Соколова. Она спасла сотни молодых жизней, “моих солдатиков”, как она любовно говорила. Была награждена орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени и множеством медалей.

Скончалась моя любимая тётя 17 января 2003 года на 85-м году жизни.

Уходят последние ветераны. Молодыми девчонками, молодыми ребятами начинали они войну. Последнее фронтовое поколение. Остались письма, остались незамысловатые воспоминания. Нужно ли это кому сейчас? Верю, что нужно. Ведь это наша память, вечная наша слава и боль.